

Естественно, новость о том, что Цзян Юэ отправился на виллу Янь, не сможет оставаться в секрете от высшего класса. Мужчина ясно понимал, что, хотя удар Гу Сюэи, казалось, был небольшим предупреждением, реальность заключалась в том, что он должен был продемонстрировать синяк на лице и не знал, как долго продлится это унижение.

Цзян Юэ был гордым человеком. Кто был снисходителен в их кругу? И он закончил тем, что отдал приказ заткнуть всем рот; Цзян Юэ и семья Цзян не могли обсуждаться, и, соответственно, семья Янь и Гу Сюэи не могли попасть в слухи. Потому что, если бы кто-то заговорил о семье Янь, разве они не упомянули бы, что Цзян Юэ покидал их виллу с опухшим лицом? Если бы это вышло наружу, Цзян Юэ был бы не единственным пострадавшим, это коснулось бы всех больших шишек, которые имели тесные связи с семьей Цзян.

След от удара на лице Цзян Юэ налился синяком и опух. Если бы люди внимательно присмотрелись, они смогли бы уловить сходство с собакой, которую ужалила пчела... но они не могли бы упомянуть об этом, не говоря уже о том, чтобы посмеяться над ним.

Когда он закончил свою дневную работу, рана на его лице немного зажила, и Цзян Юэ вернулся в дом Цзян.

Цзян Цзин восстанавливал силы дома, лежа на кровати весь день, за исключением тех случаев, когда парень просил помощи у слуг во время еды. Если бы люди не знали происходящего, они могли бы подумать, что он умирает.

Когда он услышал, что Цзян Юэ вернулся, Цзян Цзин поспешно встал с постели, опасаясь, что если его второй брат поймает его похожим на соленую рыбу, он получит еще одну порку.

— Второй брат, чай, я принес тебе немного чая... — Цзян Цзин принес из кухни чайник.

Когда он столкнулся лицом к лицу с Цзян Юэ, он был шокирован:

— Второй брат, тебя тоже били?

Цзян Юэ: «...»

Цзян Цзин потерял дар речи, но в то же время испытал тайное облегчение; его избили не потому, что он был слабым или бесхребетным, просто невестка Янь Вэньбаю оказалась слишком сильной!

Цзян Юэ знал, что Цзян Цзин был из тех людей, которые говорят неприятные вещи, и, скорее всего, именно так началась драка с Янь Вэньбаем. Если посмотреть на это с такой точки зрения, то во всем был виноват его несносный младший брат.

Цзян Юэ держал чашку в одной руке, но чай был чертовски горячий. Он поставил чашку с

потемневшим лицом, но так как он уже был в синяках, это было не очень заметно.

— Как она тебя избила? — холодно спросил мужчина.

Цзян Цзин поначалу был смущен и не осмеливался жаловаться. Но теперь, когда Цзян Юэ тоже был избит, скрывать было нечего:

— Она использовала свой ремень, чтобы выпороть меня.

Цзян Юэ почувствовал странное облегчение в своем сердце. Должно быть, Цзян Цзину было гораздо больнее. Если бы она использовала ремень, чтобы ударить его сегодня, то его лицо было бы втоптанно в грязь.

Цзян Цзин не знал, что было на уме у его второго брата, но, глядя на него, он чувствовал себя менее расстроенным. С разбитым лицом Цзян Юэ больше не выглядел таким внушительным, и Цзян Цзин немного успокоился. Чем больше вы на это смотрели, тем более дружелюбным казался Цзян Юэ.

Цзян Юэ убрал чашку подальше и встал, чтобы пнуть Цзян Цзина:

— Не создавай больше проблем для семьи Цзян. Нами не должны так легко помыкать.

Цзян Цзин автоматически заменил это предложение на «Не провоцируй Гу Сюэи в следующий раз». Он быстро кивнул головой, сказав, что больше не посмеет, и благополучно проводил Цзян Юэ обратно в кабинет.

В противном случае, он чувствовал, что ему придется перетерпеть еще одно избиение.

Высший круг слышал новости, и Цао Цзяе был одним из них. Поскольку Цзян Юэ был гордым и довольно быстро отдал приказ заткнуть всем рот, все, что он знал, это то, что цвет лица Цзян Юэ был темным и что после посещения особняка Янь он быстро ушел с коробкой клубники...

— Отношения между семьями Цзян и Янь в лучшем случае прохладные, — Цао Цзяе нахмурился. — Как это случилось?

Цзян Юэ ушел с клубникой. Клубника, возможно, и не была чем-то дорогим, но это определенно был символ! Гребаный символ, который показывал, что у семьи Цзян и семьи Янь были гармоничные отношения!

Черт возьми! Когда Янь Чао был здесь, гармонии не было. Почему это изменилось сейчас? Цао Цзяе не мог найти причину даже после долгих размышлений.

Но он также знал, что таких больших людей, как Янь Чао и Цзян Юэ, нелегко понять таким людям, как он. Проблема заключалась в... как Гу Сюэи справилась с этим? Если бы эта Гу Сюэи действительно смогла уговорить Цзян Эра, было ли это так, как сказала Цзян Мэн, и возникли бы проблемы?

Цзян Мэн в настоящее время сидела в углу, на ее лице были слезы, она выглядела слабой и жалкой.

— Цзянь Жуй вернется завтра? — пробормотала она.

Когда Цао Цзяе услышал, как она упомянула это имя, он внезапно почувствовал тревогу и немного испугался. Он действительно боялся семьи Цзянь.

Если бы это было не так, он не был бы все еще бездетным в этом возрасте. Цзянь Жуй не могла родить, поэтому у него не было наследников!

Когда Цао Цзяе раньше сказал Цзян Мэн, чтобы она пошла и избавилась от ребенка, это было только в порыве гнева. Если бы Цзян Мэн сделала аборт, он, скорее всего, был бы первым, кто задушил бы ее.

Цао Цзяе со злостью пнул диван так сильно, что тот сдвинулся с места.

Он повернулся и сказал глубоким голосом:

— Я не могу позаботиться об этом вопросе. Если я это сделаю, Цзянь Жуй заметит. А как насчет нанятых комментаторов, которых собрала твоя команда? А все эти репортеры, с которыми ты близка? Пусть они все вбросят новости. Завтра... нет, до завтрашнего дня вся сеть будет знать, что ты беременна ребенком Янь Чао. Таким образом, тебе больше не придется беспокоиться о Гу Сюэи... Если весь мир знает, кого волнует, примет она ребенка Янь Чао или нет.

Цзян Мэн взглянула на Цао Цзяе с легким трепетом, но в глубине души почувствовала обиду. Очевидно, это был его ребенок, но он настоял на том, чтобы втянуть в это дело кого-то другого, потому что это был его единственный способ выжить.

И теперь она должна была сделать это сама...

И как только СМИ и комментаторы начнут делиться новостями со всей сетью, у нее не будет выхода. Если однажды Янь Чао вернется живым... У нее определенно будет худший конец, чем у любой из любовниц Цао Цзяе!

Когда Цао Цзяе повернул голову, он заметил недовольство Цзян Мэн. Когда он собирался что-то сказать, зазвонил телефон. Мужчина снял трубку, и с другого конца раздался низкий голос:

— Господин Цао.

Цао Цзяе был ошеломлен. Несмотря на то, что он знал, что зовущий его человек не может его видеть, его спина склонилась сама по себе.

Он почтительно сказал:

— Дядя.

— Самолет Цзянь Жуй приземляется в восемь вечера. Поезжай в аэропорт, чтобы забрать ее.

Его сердце бешено заколотилось, и Цзян Мэн запаниковала.

— Тогда... а как насчет тебя? — спросил Цао Цзяе.

Но собеседник на другом конце уже повесил трубку.

Цао Цзяе вытер пот с лица, сдерживая гнев в своем сердце. Цзян Мэн больше не могла усидеть на месте и встала:

— Я свяжусь с тобой позже.

— Хорошо.

— Подожди, — Цао Цзяе снова окликнул ее: — Режиссер Ли позвонил мне вчера и сказал, что ты не была в студии эти три дня.

Цзян Мэн сдержала свой гнев и сказала:

— Разве ты не пытался избавиться от Гу Сюэи в последние несколько дней?

— Тебе все равно придется пойти в студию. Этот фильм очень важен для Dajin Entertainment, мы рискнули и вложились в него, перестань быть такой капризной. Ты даже ничего не сказала режиссеру Ли перед уходом. Ты все еще хочешь играть в будущем?

Слушая его, Цзян Мэн почувствовала еще большее раздражение, но все же послушно кивнула:

— Я знаю, я вернусь.

<http://tl.rulate.ru/book/49700/1553864>